

Валентин Соболев

«ТЕРРОРИЗМ БЕСПОЩАДЕН. ГОСУДАРСТВА ДОЛЖНЫ ОТВЕЧАТЬ ТЕРРОРИСТАМ ТЕМ ЖЕ»

Главный редактор журнала Индекс Безопасности Владимир Орлов беседует с заместителем секретаря Совета безопасности РФ генерал-полковником Валентином Соболевым¹.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Терроризм – явление не новое для России. В то же время еще не так давно – в период холодной войны – это понятие никак не ассоциировалось с нашей страной. Сейчас же Россия находится в верхней части списка стран, наиболее сильно страдающих от террористической угрозы. В чем Вы видите основные причины произошедшей трансформации?

СОБОЛЕВ: В России слово «терроризм» известно давно. Если взять исторический ракурс, то есть такие личности, как Каракозов, стрелявший в царя, или Александр Ульянов, брат Ленина, который готовил покушение, левые эсеры, Савинков, были белый и красный террор. Это не просто имена. Это большое количество жертв, крови, трагедий людей, которые жили в тот период.

Во времена холодной войны на территории Советского Союза обстановка, связанная с проявлением террористических акций, была достаточно спокойной – спокойнее, чем в любой другой части Земного шара. Можно вспомнить лишь одну жестокую акцию. В январе 1977 г. армянские националисты («группа Затикяна») произвели взрывы в московском метро, в электропоезде, в котором дети возвращались с новогодней елки. Погибло около двух десятков человек. В целом же, в то время, когда взрывались бомбы на вокзале в Болонье, «красные бригады» пытались провести террористические акции на территории ФРГ, ирландский терроризм действовал в Великобритании, баски проводили теракты в Испании, в Москве терроризм рассматривали как очень далекую и неконкретную угрозу для своего государства.

Такому спокойному отношению к терроризму в СССР способствовали многие причины. Прежде всего, это *железный занавес*, который тогда существовал, отсутствие свободного сообщения между государствами. И, конечно, достаточно сильный авторитарный режим, сильные спецслужбы и правоохрнительные структуры, которые на каждый сигнал реагировали вовремя и не позволяли сделать так, чтобы общество почувствовало какую-то угрозу.

Но ситуация изменилась с началом перестройки, в тот момент, когда стало понятно, что Советский Союз, как государство в своем прежнем виде, прекращает существование. Конфликтные ситуации, которые возникли в это время в основном на национальной почве: события в Фергане (Узбекистан), где избивали турок-месхетинцев, события в Сумгаите (Азербайджан) – конфликт между армянским и азербайджанским населени-

И
Н
Д
Е
К
С
Б
Е
З
О
П
А
С
Н
О
С
Т
И

ем, практически гражданская война в Таджикистане, – все это изменило взгляд на террор, на отношение к нему внутри страны.

Конфликты начали перемещаться на территорию Северного и Южного Кавказа. Причем они происходили как на территории Российской Федерации (осетинско-ингушский конфликт), так и за пределами России – на территории Южной Осетии, Абхазии, Нагорного Карабаха. Именно в этот период впервые появились политические требования националистов, ярко проявили себя наиболее радикально настроенные конфессиональные круги.

Наряду с уже ставшими для нас привычными требованиями отделения от России, с сепаратистскими устремлениями, тогда мы впервые столкнулись с требованием новым: о создании так называемого *всемирного исламского халифата*. Как вы знаете, тот же лозунг выдвигается и до сего времени *Аль-Каидой*.

Должен признать, что в России, в которой значительная часть населения исповедует ислам (особенно на Северном Кавказе, окраинах, граничащих с Центральной Азией, а также в Поволжье), этот лозунг получал поддержку – в обстановке отсутствия политической воли и экономической нестабильности. Основная концентрация сил, нагнетавших напряжение и уже рисовавших карту, на которой территория *халифата* охватывала весь Северный Кавказ и наше Поволжье, – эти силы находились в Чеченской Республике.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Валентин Алексеевич, когда пришло понимание того, что приходится действовать не просто против бандитских формирований, а против хорошо организованных, обученных и финансово простимулированных международных террористов?

СОБОЛЕВ: Еще когда в 1994 г. было принято решение о проведении операции по наведению конституционного порядка в Чеченской Республике, стало совершенно очевидно, что двигателем и организатором попыток создания *халифата* были не только чеченские экстремисты, но и целая группа международных террористов из разных стран. Уже тогда была получена информация о том, что на стороне чеченцев воевали представители более чем 50 стран. Большинство из них было из государств Ближнего и Среднего Востока, Центральной Азии, но были и представители немусульманских государств. Значительная часть из них прошла военную и политическую подготовку в лагерях Афганистана под руководством талибских инструкторов, которые обучали их ведению войны, диверсионному делу и идеологии радикального мусульманского толка. Доказательства правдивости этой информации мы стали получать позднее от захваченных в плен перебежчиков.

Таким образом, уже в первой половине девяностых годов Россия осознала реальную угрозу, которая исходит от конгломерата террористических организаций. Еще в 1995 г. на саммите «семерка плюс один» в Галифаксе (Канада) Россия заявила о реальной угрозе, которую представляют собой объединившиеся террористы на Северном Кавказе не только для самой России, но и для всего мира. К сожалению, этот призыв не нашел тогда полного понимания, и в головах многих политиков такая угроза еще какое-то время не воспринималась в качестве реальной.

Необходимо было пережить 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке и Вашингтоне. После этих терактов была сформирована международная антитеррористическая коалиция, в которой Россия принимала и принимает активное участие.

В сентябре 2001 г. была принята резолюция ГА ООН № 1336, которая изложила принципы отношения к терроризму стран – участниц ООН. Это была не очень простая работа, потому что, как известно, даже в определении слова «терроризм» международное сообщество не может достичь согласия еще со времен Лиги Наций. Вместе с тем постепенно, шаг за шагом создавалась система, которая, как представляется, сегодня позволяет достаточно успешно противостоять терроризму.

Далее, в сентябре 2005 г. последовала резолюция ГА ООН, которую вкратце можно было бы охарактеризовать как «суди или выдай другому». Смысл ее сводился к тому, что терроризм не может оставаться безнаказанным. Это нашло свое подтверждение в заявлении «восьмерки» в 2005 г. на саммите в Глениглсе (Великобритания), в котором подчеркивалось, что ни в коей мере никакому государству нельзя использовать любые контакты с террористической организацией для проведения любых политических акций.

Угроза современного терроризма увеличивается кратно еще и потому, что сегодняшний мир, несмотря на глобальный прогресс и развитие глобальных отношений между государствами, достаточно уязвим.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Какие черты, на Ваш взгляд, отличают современный терроризм?

СОБОЛЕВ: Прежде всего, это расширение географии и интернационализация международного терроризма. Далее, это жестокость и целенаправленность. Террористы XIX – начала XX в. были одиночками, которые стреляли, прежде всего, в политических лидеров. Сегодня объекты террора совершенно другие. Это мирные жители, дети, объекты культуры, места массового скопления людей, культовые здания. И у современного терроризма другая цель – запугать все население.

Активно используются смертники. Причем, если брать 2003–2005 гг., то количество так называемых *шахидов* возросло почти в 20 раз. Урон в результате применения смертников – самый большой. Достаточно сказать, что всего лишь 5% всех терактов, совершенных с использованием взрывчатки, осуществили шахиды, но количество жертв в этих случаях зашкаливает за 70%. Причем противостоять попытке теракта с использованием камикадзе, шахида очень сложно.

Следует выделить и такую особенность современного терроризма, как попытки завладеть и, без сомнения, применить либо ОМУ, либо его компоненты. К сожалению, такая информация не просто имеется у спецслужб, но и, как известно, были уже конкретные акты применения, по крайней мере, химических отравляющих веществ. Сегодня нельзя говорить о наличии у террористов ядерного оружия. Но говорить о *грязной бомбе*, которая может быть сделана или куплена террористами – это совершенно реально.

Еще один из видов современного терроризма – кибертерроризм. Многие эксперты считают, что ущерб от атак посредством нападения на телекоммуникационные системы, системы управления по своим последствиям соизмерим с применением ОМУ.

Террористы подстраиваются под тенденции развития мирового сообщества, и даже появились такие экзотические термины, как экотерроризм, агротерроризм и другие. Здесь, с одной стороны, террористы занимаются спекуляциями, а с другой стороны – играют на тех проблемах, которые волнуют все человечество (например, экологические проблемы), используя в качестве шантажа угрозы взрывов нефтехимических объектов, трубопроводов, продуктопроводов и других химически опасных объектов.

Эти угрозы глобальны. Отсюда и необходимость объединения усилий всего мира по противостоянию современному *террористическому интернационалу*. И руководство Российской Федерации это прекрасно осознает и работает в этом направлении совместно с другими государствами.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Каковы основные направления усилий России в области противодействия терроризму?

СОБОЛЕВ: Как я уже говорил, Россия активно участвует в антитеррористической коалиции. Мы считаем, что ведущая роль в борьбе с международным терроризмом должна принадлежать ООН. Вместе с тем Россия состоит и в региональных объединениях антитеррористической направленности, таких, как Антитеррористический центр стран СНГ,

Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ).

Россия поддерживает двусторонние отношения практически со всеми странами мира, которые реально испытали на себе, что такое терроризм. Прежде всего, это государства, которые расположены на постсоветском пространстве. Помимо них это США, Израиль, Германия, Франция, Великобритания. Именно в России проведено пять самых крупных конференций специальных служб и правоохранительных органов различных государств мира, посвященных именно этой проблеме. Последнее такое совещание состоялось в середине июня 2006 г. в Казани, в нем участвовали представители 75 спецслужб из 51 страны мира, а также делегации Антитеррористического центра СНГ и Совета Безопасности ООН.

Терроризм беспощаден. Государства должны отвечать террористам тем же. Терроризм требует уступок, требует политических компромиссов, на которые (как показывает и горький опыт России) ни в коем случае идти нельзя. Переговоры с террористами возможны и необходимы только в одном случае: облегчить участь заложников и спасти их. Любые другие уступки только стимулируют развитие терроризма и вызывают еще более жестокие и наглые акции с их стороны.

В качестве примера можно привести исторический факт, имевший место в России и связанный с Чеченской Республикой. В 1996 г. были подписаны так называемые «Хасавюртские соглашения», в соответствии с которыми была достигнута договоренность между тогдашним руководством так называемой «Чеченской республики Ичкерия» и Россией. Договор заключался на пять лет и включал в себя следующие пункты. Ичкерия брала на себя обязательства провести собственными силами разоружение, оставаться в правовом поле Российской Федерации и в течение этих пяти лет провести общенациональный референдум, в соответствии с которым должно было быть принято решение о том, находится ли в дальнейшем Чеченской Республике в составе Российской Федерации или выйти из нее.

Что же случилось после Хасавюртских соглашений? Мы увидели, что отведенное по соглашениям время чеченские лидеры использовали для довооружения и тренировки боевиков. Мы увидели, что на территории Чеченской Республики вместо обещанной юрисдикции России стали процветать шариатские суды с публичными казнями. Мы увидели, что наемники из многих стран мира вновь потянулись к Чечне, где они проходили обучение и, очевидно, готовились к проведению террористических акций.

Все это закончилось тем, что в августе 1999 г. хорошо вооруженные, хорошо экипированные бандиты, подкрепленные наемниками из многих стран мира, вторглись уже не на территорию Чеченской Республики, а в Республику Дагестан, проводя в жизнь свою идеологию и пытаясь уже силовым путем создать все тот же самый «исламский халифат». Отсюда и проведение Россией, начиная с осени 1999 г., контртеррористической операции на территории Чеченской Республики.

Или возьмем другой пример – кровавые теракты в Испании 11 марта 2004 г. Через две недели после них в Испании состоялись выборы, и правящая партия проиграла. Террористы немедленно приписали эту заслугу себе. Через несколько месяцев после этого террористы захватили испанских заложников в Ираке и потребовали от испанского правительства вывода около тысячи военнослужащих, которые участвовали в иракской операции. Испанское правительство такое решение приняло, после чего количество захватов заложников в Ираке, как вам известно, увеличилось кратно.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Еще одна проблема, которая связана с терроризмом, это проблема финансирования терроризма. Каким образом, на Ваш взгляд, можно противодействовать этому явлению?

СОБОЛЕВ: Существуют разные оценки в отношении объемов финансирования терроризма. Ряд экспертов считает, что на эти цели идет около 20 млрд долл. США. МВФ за-

являет, что эта цифра составляет около 50 млрд долл. Еще на собственном опыте в Чеченской Республике мы неоднократно убеждались, что, когда у террористов заканчивались деньги, половина бандитов из лесов и с гор расходилась по домам. После поступления крупных сумм численность бандитских группировок росла как грибы после дождя.

После 11 сентября 2001 г. американские правоохранительные структуры, фискальные органы определили около 32 млрд долл., которые, по их данным, могли быть использованы для финансирования терроризма, и наложили на них арест. Но к сегодняшнему дню из этого объема осталось около 150 млн долл., по которым до сих пор идут судебные тяжбы. И, как правило, их выигрывает не государство. Как пошутил один из представителей американского Конгресса: «Этот процесс напоминает мне попытку отловить две или три мелких рыбки, для чего предлагается спустить всю воду в Мировом океане».

Сейчас крайне радикальный мусульманский экстремизм использует такой механизм, как *хавала* – это процесс передачи денег без официального перевода их на территорию других стран, без пересечения границ. Вскрыть, а тем более задокументировать такие операции крайне сложно.

Но проблема эта должна решаться, и в принципе ясно как. Прежде всего, необходимо совершенствование законодательной базы, которая позволяла бы государству конструктивно вмешиваться и создавать надежные барьеры для финансирования террористов. Во-вторых, эти меры должны стать мерами не одной страны, а всего международного сообщества.

Откуда берутся деньги, которые идут на финансирование международного терроризма? Прежде всего, следует вспомнить ряд международных организаций и фондов крайне радикального толка, чаще всего мусульманских. Рядом стоит и спонсорство, которое, к сожалению, оказывают богатые люди разных стран в своих личных корыстных или политических интересах. А также – это те деньги, которые традиционно поступают террористам от транснациональной организованной преступности.

Посмотрим на карту и увидим *дугу нестабильности*: от Филиппин, Таиланда, затем по Индостанскому субконтиненту, Пакистан, Афганистан, Центральная Азия, далее Кавказ, Ближний Восток, Косово. Это дуга нестабильности, в которой происходит максимальное число террористических актов. Далее, нарисуем наркотрафик, который идет из основных точек производства наркотиков. Я имею в виду *золотой треугольник* (стык границ Мьянмы, Таиланда, Лаоса и Китая) и *золотой полумесяц* (Афганистан и Пакистан). Потом – Центральная Азия и дальше либо по Балканскому полуострову, либо по *северному* направлению. Глядите – та же география, что и с дугой политической нестабильности. В сфере наркоторговли крутятся громадные суммы, и имеются точные данные, что значительная часть из них оседает в карманах террористов.

Сюда же можно отнести и такие виды преступлений, как незаконный оборот оружия, торговля людьми, похищение людей, рэкет. К ним достаточно часто прибегают террористические организации.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Борьба с терроризмом и права человека. Что для Вас означает соотношение этих двух понятий?

СОБОЛЕВ: Активизация международного терроризма, с одной стороны, и необходимость для специальных служб государств работать превентивно – с другой, объективно требуют ужесточения некоторых уже ставших привычными для демократических стран норм, что затрагивает права человека. Возникает своего рода коллизия. Государство вынуждено ограничивать общество и гражданина в правах для того, чтобы обеспечить основное право – право человека на жизнь.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Давайте тогда посмотрим и на такую коллизия: борьба с терроризмом – и свобода СМИ?

СОБОЛЕВ: Госпожа Тэтчер как-то сказала, что гласность – это кислород терроризма. Террористы, захватившие заложников, зачастую первым требованием выдвигают не деньги, не политические требования, а требование предоставить им микрофон.

Пример старый, но очень показательный. В 1975 г. в ФРГ группа леворадикального течения Баадер-Майнхоф захватила в качестве заложника политика и потребовала от правительства страны освободить своих товарищей, которые находились в тюрьме. Было принято политическое решение о том, что надо выдать находящихся в тюрьме бандитов. Однако террористы потребовали еще и другое. Чтобы весь процесс освобождения, сопровождения к самолету и ход по трапу освещался по телевидению. Каждый из освобожденных преступников получил возможность сделать политическое заявление и воспользоваться этой возможностью, входя на трап. Как потом в итоге признались руководители западногерманского телевидения, на 72 часа они потеряли контроль над собственными СМИ.

Есть и другие примеры. В частности, прямая трансляция событий, которые происходили вокруг «Норд-Оста» в России, – этот пример также надо отнести к крайне отрицательным. Телевидение на тот момент популяризировало террористов, во многом способствовало распространению их лозунгов, позволило террористам через СМИ играть на самых крайних чувствах родственников заложников.

Вместе с тем освещение в СМИ терактов в Лондоне в 2005 г. можно назвать одним из лучших примеров, когда журналисты работали очень продуманно, гуманно, действительно защищая права тех людей, которых надо защищать, а не права бандитов.

Пресса, конечно, не может быть просто ретранслятором событий. Журналистика живет по своим законам. Но профессионализм журналиста, его высокая гражданская ответственность должны стать основным критерием для того, чтобы четко понимать ту грань, которая отделяет право на получение и распространение информации от невольного спонсорства терроризма.

Международный терроризм – это не застывшая субстанция. Он постоянно развивается, ищет новые формы. Отсюда необходимость постоянно развивать систему противостояния ему. Именно поэтому во многих странах мира в последние годы шла перестройка специальных служб, шло улучшение координации взаимодействия, совершенствовалась правовая база.

То же самое мы пытаемся сделать и в России. В феврале 2006 г. законодателями был принят новый Федеральный закон о противодействии терроризму. Указом президента построена новая вертикаль, которой поручено осуществлять координационную деятельность в борьбе с терроризмом – это Национальный антитеррористический комитет, который возглавил директор ФСБ и в который вошли 19 руководителей министерств и ведомств – как *силовых*, так и таких, как министерства здравоохранения, финансов, экономики. Созданы антитеррористические комиссии субъектов Российской Федерации. Их возглавили губернаторы и первые лица субъектов Федерации. При Национальном антитеррористическом комитете создан федеральный оперативный штаб, в задачи которого входит разработка и осуществление конкретных контртеррористических операций на случай их возникновения.

Хотел бы еще раз подчеркнуть, что террористы не имеют ни национальности, ни религии. Необходимо создание действенной системы, объединяющей государства, спецслужбы, общественные структуры, бизнес-сообщество. Такая система призвана стать надежной защитой от терроризма. Россия, в силу своего географического положения, развернутая как на Восток, так и на Запад, подготовилась играть свою роль в этом процессе. Процессе, который призван не допустить цивилизационного разлома.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Сейчас принято говорить «международный терроризм». Когда все начиналось, России не нравилось слово «международный». Считалось, что терроризм – он «местный», «чеченский». Потом оказалось, что это далеко не так и что

термин «международный» лучше отражает существо дела. В этой связи обращает на себя внимание дискуссия о роли *Аль-Каиды*, идущая в экспертном сообществе и среди журналистов, которые занимаются проблемой терроризма. Некоторые утверждают, что *Аль-Каида* существует, другие говорят, что *Аль-Каида* – это просто *бренд*, которым прикрываются все другие террористические организации.

СОБОЛЕВ: Без всякого сомнения, *Аль-Каида* – боевая организация, созданная в определенный момент, нужная определенным политическим силам для того, чтобы противостоять в Афганистане присутствию советских войск. Естественно, в то время она финансировалась определенными государствами, которые были в этом заинтересованы. Плюс теми финансами, которыми традиционно располагал один из руководителей *Аль-Каиды*, достаточно богатый человек уже тогда и впоследствии обогатившийся многократно. В то время это была прежде всего боевая структура с определенными задачами, с прямым и вертикальным подчинением.

Сегодня это, без сомнения, совершенно другая структура. Что прежде всего интересует экспертов, политиков, политологов – так это характер прямых организационных связей внутри *Аль-Каиды*.

Практически любой теракт, который сегодня совершается, и в особенности если он связан с исламским радикализмом, сразу автоматически приписывается *Аль-Каиде*. Но, вместе с тем, испанские спецслужбы, расследуя ужасный теракт в электричках, не обнаружили до сих пор никакой связи происшедших событий с *Аль-Каидой*.

Сегодня европейский сегмент *Аль-Каиды* представляет собой разрозненную систему самоорганизующихся и саморадикализующихся ячеек. Но в силу своей этнорелигиозной специфики эти ячейки способны устанавливать между собой связи в любую минуту – как по горизонтали, так и по вертикали. В том числе и с выходом на *Аль-Каиду*.

По данным американских экспертов, непосредственно *Аль-Каида*, начиная с 2002 г., осуществила несколько десятков терактов, в которых погибло более 700 человек. Кстати, в этих терактах использовались 67 террористов-смертников.

У *Аль-Каиды* появился и новый тезис, который используется в ее идеологии и успешно распространяется по упомянутым ячейкам. Наряду с идеей создания всемирного халифата в качестве основной провозглашается так называемая «тактическая цель». Это выдвигание американцев, их вооруженных сил, а также союзников США с национальных территорий, принадлежащих мусульманам, – прежде всего, на Ближнем Востоке, а также в Центральной Азии.

Сегодня *Аль-Каида* успешно выполняет свою роль в качестве главного идеолога и, без всякого сомнения, главного спонсора международного терроризма. До сих пор она является самой крупной и самой богатой структурой среди террористических организаций. Но говорить о прямом управлении штабом *Аль-Каиды* всех террористических организаций мусульманского толка не стоит.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: В Российской Федерации проживает более 15 млн мусульман. Известно ли Вам о каких-то исламистских течениях в этой огромной группе людей?

СОБОЛЕВ: Да, без всякого сомнения. Спецслужбы и правоохранительные структуры прекрасно представляют себе, что эта среда привлекает международные террористические организации, и они в ней работают.

Более того, спецслужбами вскрыты конкретные случаи, когда использовались религиозные течения, в частности такое, как ваххабизм, не только для идеологической обработки, но и в попытках рекрутировать людей в террористические организации. Кстати, известно, что в Германии и Федеральная разведывательная служба (БНД), и Федеральное ведомство по охране конституции (БФФ), и полиция работают в этой среде и тоже делают похожие выводы.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: В экспертной среде нередко приходится слышать, что наряду с уже принятыми в России мерами по противодействию терроризму полезно и целесообразно было бы совершить перераспределение функций между заинтересованными ведомствами. В первую очередь, между МВД и ФСБ, поскольку, дескать, в МВД тоже много структур, которые отвечают за эти вопросы, но работают они недостаточно эффективно. И в то же время богатейший опыт работы ФСБ в этом направлении, естественно, мог бы существенно повысить эффективность антитеррористических мероприятий...

СОБОЛЕВ: Вопрос правильный и справедливый, он всегда существовал. Как бы мы ни старались, мы все равно четко не отделим обязанности одного ведомства от обязанностей другого, потому что сама ситуация настолько многообразна, что они переплетаются.

Надо ли говорить о перераспределении сил и средств? Думается, что сейчас у ФСБ достаточно своих сил, а вот вопросы улучшения взаимодействия и координации, единоначалия, обмена информацией в реальном масштабе времени – все они требуют обсуждения.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Вы упомянули о взаимодействии с европейскими государствами в области противодействия терроризму, упомянули о Центральной Азии. А насколько России сейчас удастся установить диалог со странами Ближнего Востока и в каком направлении этот диалог развивается?

СОБОЛЕВ: У нас прекрасные отношения с израильскими спецслужбами. Но спецслужбы не *раздеваются* друг перед другом. Есть темы, по которым они могут взаимодействовать. Причем, чем теснее они взаимодействуют в борьбе с терроризмом, допустим, путем обмена информацией в реальном масштабе времени, тем больше шансов на успех. Но мы не останавливаемся на одном Израиле. У нас неплохие контакты с Саудовской Аравией, несмотря на множество различий в подходах, и особенно к вопросам, относящимся к профессиональным проблемам. У нас развиваются контакты с Египтом, еще можно назвать Иорданию, Алжир, ну и, нечего скрывать, у нас есть контакты с Палестиной. 🐜

Примечание

¹ В основу интервью положено выступление заместителя секретаря Совета безопасности РФ В.А. Соболева на заседании клуба *Триалог*, организованного ПИР-Центром 13 апреля 2006 г.